

ного, личного сознания и оценки, в чём Н.А. Бердяев видит главный смысл социального освобождения.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. - Париж: YMCA PRESS, 1989. – 425 с.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-09) / Н.А. Бердяев. - СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1910.
3. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.) / Н.А. Бердяев. - СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907.
4. Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России / Н.А. Бердяев. - Париж: YMCA PRESS, 1989. – 714 с.
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев // Литературная учёба. 1990. Кн. 2. – С. 123-139.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев.- Париж: YMCA PRESS, 1955. – 224 с.
7. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 2006.
8. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы / Н.А. Бердяев. - М. : Феникс-ХДС-пресс, 1991. – 81 с.
9. Бердяев Н.А. Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Ungrund'е и свободе / Н.А. Бердяев // Путь. 1930. № 20. – С. 47-89.

I.S. Стокаліч (Центр гуманітарної освіти НАН України). *Н.А. Бердяєв про природу "російської революції"*.

Розглядається тема трактування історичних процесів Н.А. Бердяєвим на основі його розуміння російської революції. Особливістю міркувань філософа є його глибокий екзистенційний досвід особистого переживання описуваних подій. Питання соціального визволення зв'язуються їм з духовним переворотом особистості. Лише в цьому випадку людина здатна подолати належним чином «владу минулого».

Ключові слова: *Н.А. Бердяєв, свобода, духовність, соціальні зміни, індивідуалізм.*

I.S Stokalich (Center for Humanitarian Education National Academy of Sciences of Ukraine). *N.A Berdyaev on the nature of the "Russian Revolution"*.

Focuses on the interpretation of historical processes N.A Berdyaev on the basis of his understanding of the Russian Revolution. Feature of reasoning philosopher is his deep existential experience of a personal experience of the events described. The questions of social liberation bind them with the spiritual revolution of the individual. Only in this case, a person is able to overcome adequately the "power of the past."

Key words: *N.A Berdyaev, freedom, spirituality, social change, individualism.*

УДК 130.2:008

И.А. ФИЛИНА (к. филос. н., доц.)

Полтавский национальный технический университет
имени Юрия Кондратюка
manrtita@mail.ru

**КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СЕНТЕНЦИЯХ
НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА**

В статтє речь идєт о соотношеннн смьслов культурь и цивнлнзацнн в поннмнннн Бердяєва, которьн ссылаєтєя прн єтот на рнзлнчннє познцнн європєнскнх и русскнх фнлософов в даннот вонтросє. Характернстнкн культурь и цивнлнзацнн, данннє Ннколаєм Бердяєвьм, рнссматрнвнютєя в прнлжєнннн к соврємєнноту состояннноту соцнума с цєлью потвєрджєннн актуальнотн єго концєптунльнх оцєнок в отншонннн рєальнотнн и перспєктнв общєствєнноту рнзвнтнєя.

Ключєвєє словн: *культурн, цивнлнзацнн, духовноть.*

В ннчлєє ХХ вєкн вьшлн в свєт кннглн Освнльдн Шпєнглєрн «Знкат Європь», гдє автор, по єго словнм, потытнлєя созднть «фнлософнє судьбь», – кннглн, которн к суждєно бьлн стнть бєстсєллєрнм в фнлософскн лнтернтурє и вызвнть нєутнхнющнє по сєгднншннн дєнє полємнкє. В 20-є гнды, кнгда в нншєй, тнгда общєй, стрннє єщє нє умолклн н долгнє гнды сєрьєзннн фнлософскн мьсль, кннгу перевєлн на русскн язьк (прнвдн, тнлькн прєвьн тнм), и тнгда жє повнлнлнсь прєвнє рнботь, оцєннвнющнє концєпцнє нємєцкн фнлософн. Так, в 1922 гнду вьшєл сбнрннк стнть «Освнльд Шпєнглєр и «Знкат Європь», гдє Ннколнє Бердяєв опублнкєвнл своє «Прєдсмертннє мьслн Фнустн». К тнму врємєнн прєвнн мнровнн вонн и бнльшєвнстєкн рєвнлющнн обннжнлн прнблємє крнхн мннх цєннностєй зпнпдннн цнвнлнзацнн, вызвнлн острує полємнкє по повнду крнзнє духовнн културь и нєобхнднмнстн вьрнботкн ннвноту, «плннєтнрнноту мьшлєннн». Бердяєв в своєй блєстнщєй стнтьє сдєлнл тнгда нз «Знкатн Європь» прнрочєскнє вьвнды: «Мь стнмн у грннн ннвнн нчннн єпохн... Истнннн духовнн културє, мжєт бьтє, прндєтєя прєжнть кнтнкомбннн пєрнєд» [1, с. 15].

В 20-є гнды ХХ стнлєтннн угрнзн ядєрнноту апокнлнпснє и єкологнчєскн кнтнстрнфь єщє нє вьглндєлн стнль актуальнн и ужнснющє, нн и Освнльд Шпєнглєр, и Ннколнє Бердяєв ужє яснн созннवलн, чтн бєскнтрнльннн ннучнн-тєхннчєскн, «мнтерннлннн» прнгрєсс вєдєт к нрнвстєннноту упндкє и к крнзнє духовнн културь. Прєвнє опнснннн по повнду поглнщєннн културь «прнмьшлєнннм грнхотнм» цнвнлнзацнн вьскнзнн бьлн єщє фрннцузскнмн и нємєцкнмн прнсвєтнлєтєлнмн ХVІІІ-ХІХ вєков Руссо, Внльтєрнм, Гєрдєрнм, Кннтнм. Двндцнтьн жє вєк постнवल прнблємє рєбрнм и прєвєл єго с тєорєтнчєскн отнрєвнн на ємпнрнчєскн, нз полємнчєскн плннскнстн – в кнкрєтнн-прнктнчєскнє.

В своєй стнтьє «Прєдсмертннє мьслн Фнустн» Ннколнє Бердяєв вьдєлнєт цєнтрнлннє ндєє Шпєнглєрн о тнм, чтн вснкнн културн нєнзбєжнн прєхнднт в цнвнлнзацнє, которн прнєвлнєтєя кнк нстнщєннє твнрчєскнх слн културь. Он солнднрєн со Шпєнглєрнм и в тнм, чтн културн и цнвнлнзацнн ннплннєнн прнтнвнпнлжннмн смьслнмн: културн рєлнгнєзнн, цнвнлнзацнн бєзрєлнгнєзнн; културн ннцннлннлнн, цнвнлнзацнн ннтерннцнннлннлнн; културн оргннчнн, цнвнлнзацнн мєхннчнн, културн нрнстокрнтнчнн, цнвнлнзацнн дємнкрнтнчнн и тнк днлєє. Културн опнрнєтєя нн кулът прєдкнв, свнщєннє прєднннн, рєлнгнєзннє и мнрнлннє цєнннстн, осннвннн нн кнчєствнх. Цнвнлнзацнн жє рєнлнзуєтєя кнк вонл к мнровноту гнспндєству, «к устрнєннє повєрхннстн зємлн», осннвнвнєтєя нн кнлнчєствнх, онн – мнровнн гнрнд, которноту ннжнє тнлькн ннжєнєрннє твнрчєствн, в тн врємє кнк фнлософнн, рєлнгнн, нскусствн мжєт сущєствнєвнть тнлькн в културє. Єтн мьслн, отмєчнєт Бердяєв, «вьрнжєнн Шпєнглєрнм с нзумнлєтєлннм блєскнм» [1, с. 15].

Орнгннлннноть Шпєнглєрн, нднкн, нє в тнм, счнтнєт русскн фнлософ, чтн он знтрннл тємє соотношєннн културь и цнвнлнзацнн, н в тнм, «чтн он нє хнчєт бьтє рнмннтнком, нє хнчєт тнскнвнть по умнрнющєй вєлнкн културє прншлєго. Он хнчєт жнть ннстннщнм, хнчєт прнннть пнфос цнвнлнзацнн» [1, с. 15]. Он соглншнєтєя, прнднлжнєт Бердяєв, «прнмєннть рєлнгнє, фнлософнє, нскусствн нн тєхннкє, осушєннє болнт и сооржєннє мнстнв, нн нзобрєтєннє мншнн» [1, с. 15]. Нн прн єтот цнвнлнзнтнрскнє снмосознннє Шпєнглєрн Бердяєв ннхнднт в кнрнє прнтнвнрєчнвнмн и рнздвнєннмн. С ндннн стнрннн, нє бьлн єщє тнкнот «осушнлєтєлн болнт», тнкнот чєлнвєкн цнвнлнзацнн, которн бь тнк прннн-кнлєя «пєчнлннмн сознннєм нєотврнтнмноту знкнтн стнрнн културь». С дрнугн стнрннн, Шпєнглєр нє облнднл прн єтот н «цнвнлнзнтнрскнмн снмоднвольствнм», нє нмєл вєрь в аб-

солютное превосходство своей эпохи над предшествующими эпохами и поколениями. Хотя Шпенглер и считает себя человеком цивилизации в силу своей безрелигиозности, защищать с пафосом интересы цивилизации у него не слишком выходит, считает Бердяев. Нельзя строить цивилизацию и «осушать болота» с таким сознанием, как у Шпенглера. «Для таких дел необходимы притупленность сознания, толстокожесть, необходима наивная вера в бесконечный прогресс цивилизации. Шпенглер слишком хорошо все понимает. Он не новый человек цивилизации, он умирающий Фауст, – человек старой европейской культуры» [1, с. 15].

В 1923 году в Берлине выходит работа Николая Бердяева «Воля к жизни и воля к культуре» в качестве приложения к книге «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы». В ней, как и в «Предсмертных мыслях Фауста», философ обращает внимание на то, что тема цивилизации давно знакома русским религиозным мыслителям. Все они ощущали некий священный ужас от гибели культуры и надвигающегося торжества цивилизации. При этом, отмечает Бердяев, наиболее значительные русские мыслители хорошо постигли разницу между типом культуры и типом цивилизации, воплотив это в теме взаимоотношений России с Европой. Славянофильское сознание прониклось враждой не к европейской культуре, а к европейской цивилизации, «бездушной и безбожной». Так, Константин Леонтьев любил великую культуру западного Средневековья и Ренессанса с ее духом рыцарства и торжества гения. С энтузиазмом относились к великому прошлому Европы, к ее священным памятникам и «старым камням» Алексей Хомяков и Федор Достоевский. Для них тезис «Запад гниет» означал умирание великой европейской культуры и утверждение мещанской цивилизации. В этой связи очень хотелось верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет другая судьба без культурных утрат, так как подлинная духовная культура возможна только на религиозной основе. Не обошлось и без разочарований. Леонтьев, искренне веривший в возможность сохранения цветущей культуры на Востоке, в России, под конец жизни потерял эту веру, увидев, что и Россия идет к «упростительному смешению» на пути цивилизации. И Владимир Соловьев ощутил жуткое чувство наступления царства антихриста, разуверившись в возможности мировой религиозной культуры.

Обращаясь к авторитетным мнениям великих соотечественников, Николай Бердяев отмечает, что западный философский мир также переживал смятение по поводу борьбы «двух духов» – культуры и цивилизации. Не один Шпенглер обращался к проблеме истощения культуры. «Тоска Ницше по трагической, дионисической культуре – есть тоска, возникающая в эпоху торжествующей цивилизации» [2, с. 73]. Все романтики Запада были людьми смертельно ранеными бездушной технической цивилизацией, которые спасаются от тоски устремленностью к былым культурным эпохам или экзотическим культурам Востока. Это, по выражению Бердяева, означало «восстание духа против окончательного перехода культуры в цивилизацию, но восстание слишком утонченного, упадочного, ослабленного духа» [2, с. 74].

Намеченные Николаем Бердяевым ключевые идеи в «Предсмертных мыслях Фауста» находят более глубокое обоснование и развертывание в работе «Воля к жизни и воля к культуре». Понятие «жизнь» у него имеет значение «повседневности», то есть того потока практической организации бытия, который имеет одну плоскость, всегда устремлен вширь, а не в глубину смыслов существования и не в высоты духовности. Это «горизонталь», уровень которой не дает ощущать «утонченность мысли, высшие подъемы художественного творчества, созерцание святых и гениев» [2, с. 74]. Поток такой «жизни» поглощает жажду интеллектуальных и духовных усилий, дает простор лишь «воле» к наслаждению самим процессом «жизни».

Действительно, мир повседневности, окружающий нас и не отпускающий своей неизбежностью, – это тот мир, от которого нельзя уйти, как от самого себя. Смысл существования в мире повседневности как бы подразумевается сам собой и специально не ищется. Все пространственно-временные характеристики обыденного мира имеют единое начало – самого человека, который к тому же и не сомневается в том, что именно он – центр мира.

Обыденное сознание людей ориентировано на текущий момент и ближайшее будущее, оно ценит только то, что «здесь и сейчас», и еще то, что будет непосредственно «завтра и со мной».

Одним словом, обыденный мир образует вечную «горизонталь» бытия, где можно двигаться в основном «вширь». Но, как любая другая горизонталь, она может служить опорой для более совершенных, «вертикальных» конструкций, самой «несущей» из которых является «вертикаль» духовности.

«Горизонталь» бытия всегда имеет свой смысловой центр и свой комплекс ценностей, некое цементирующее начало, предшествующее возведению «вертикали» духовности. Таким началом служит *здоровый смысл*. Повседневность, пропитанная здоровым смыслом, приобретает как бы особую устойчивость и надежность. От здравого смысла, как от «подножия», через посредство магии, мифологии и религии начинается возведение духовной «вертикали».

Когда-то давно мечта и фантазия первыми помогли воспарить над привычным до скуки эмпирическим миром. Религия и искусство становятся первыми «иными мирами», рожденными сплавом мистики, мифологии и народной поэзии. Эстетическая идеализация оказалась наиболее простой и доступной формой преобразования действительности, несущей временное забвение от грубой и суровой жизни, придающей возвышенное очарование миру повседневности. Позже, также в качестве «иных» миров, подключаются философия и наука, претендующие уже не столько на отвлечение от обыденности, сколько на «истинное» объяснение мира в целом. И они уже опираются не столько на эмпирический опыт, сколько на теоретические основания, отдавая приоритет не чувственности, а рациональности.

Однако, простое наличие или простая сумма «иных миров» (сколько бы их ни было в ту или иную эпоху) еще не позволяет объяснить сам феномен духовности. *Духовность представляет собой некую систематизацию умозрительных миров человека, порождающую своеобразную «вертикаль» особых ценностей*. Духовность проявляется в итоге как некий идеал гармонического сосуществования человека с миром, к которому обязательно следует стремиться ради обретения высоких, а не обыденных, смыслов бытия. Полнее всего духовность воплощается в религии, искусстве, морали, литературе, философии. Смысловые контуры духовности выступают как потребность и как способность ориентации человека на высшие ценности, прежде всего, Бога, Добра, Истины и Красоты.

Становление цивилизации, а именно, промышленного капитализма открывает новые горизонты в познании мира и пределов полезности природы для человека. Наступает эпоха научной революции, которая возносит на небывалую высоту экспериментальное естествознание, соединившее промышленное производство и науку. *Знание, добываемое человеком, становится главной ценностью Нового времени*. Известный афоризм Френсиса Бэкона «знание – сила», отражающий дух этой эпохи, превращается в ее смысловой символ. «Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы» [2, с. 78]. Развитие естествознания способствует внедрению механистично-математических методов познания природы и постепенному упрощению миропонимания. Природа из величественного «храма» превращается в огромный «механизм», к которому уже не обязательно испытывать восхищение, трепет и сочувствие. С природой можно обходиться чисто рационально, ибо она – главный объект манипулирования во имя научного и социального прогресса. «Метод завоевания во всем возобладает над интуитивно-целостным проникновением в бытие» [2, с. 76].

Вертикаль духовных ценностей, хоть и сильно изменила основные приоритеты, тем не менее, все еще крепка: Бог – создатель, природа – творение, человек – творец. Однако эту вертикаль фундаментальных ценностей все более пронизывает дух утилитаризма, где главной точкой отсчета становится «земной» интерес, а критерием моральности – приносимая обществу польза. Счастье и благополучие обусловлены не столько божественной благодатью, сколько собственным усердием и трудом самого человека. *Значение повседневности начинает стремительно возрастать. И эта повседневность с ее «разумным эгоизмом» все*

настойчивее теснит духовность. «Рождается напряженная воля к самой «жизни», к практике «жизни», к могуществу «жизни», к наслаждению «жизнью», к господству над «жизнью». И эта «слишком напряженная воля к «жизни» губит культуру» [2, с. 74], – констатирует Николай Бердяев.

Философская мысль XVII – XVIII веков теоретически закрепила все новшества миропонимания и одновременно зафиксировала вполне закономерно достигнутое равновесие между «горизонталью» повседневности и «вертикалью» духовности. Томас Гоббс, Джон Локк, Бенедикт Спиноза и другие мыслители сходились на том, что мир обустроен Богом разумно и что человеческий разум несет с собой возможность дальнейшего переустройства и усовершенствования природного и социального мира. Дальнейшие философско-этические поиски еще более сосредоточивались на оправдании эмпирической действительности, и даже концепции воспитания (Руссо, Дидро, Гельвеция) возводятся с помощью чисто рационалистических аргументов, отстаивающих, по сути, прежде всего значение повседневного существования. Земные интересы людей естественны и неодолимы, они целиком сообразны с «природой» человека, и потому нет смысла бороться с «природным» эгоизмом. Главное – научить «разумно» соотносить свои и общественные интересы. Приносимая обществу польза должна стать основным критерием новой морали. Возникает ситуация, когда, по выражению Бердяева, «просвещенный» разум сметает духовные препятствия для использования «жизни» и наслаждения «жизнью» [2, с. 77]. Рационализм и утилитаризм окончательно закрепили авторитет повседневности и одновременно продолжили распространение «вширь» новых жизненных ценностей. «И культура античная, и культура западноевропейская переходит чрез процесс «просвещения», которое порывает с религиозными истинами культуры и разлагает символику культуры» [1, с. 76]. Высший духовный смысл культуры иссякает под напором повседневных ценностей «жизни». «Культура духовно истощает себя, рассеивает свою энергию» [2, с. 77].

Процесс духовного истощения и нивелирования вечных духовных ценностей культуры протекает не только в русле повседневного бытия, но и отражается в философских исканиях. Последним защитником «вертикали» высших духовных ценностей средствами рационалистической философии был, пожалуй, Иммануил Кант. Размышления Канта посвящены внутренней «вертикали» личности, соотносенной с «вертикалью» общечеловеческого долга. Последователи Канта, однако, в большей степени унаследовали и развили не столько его этику, сколько рационализм. С его именем связывают так называемую «интеллектуальную революцию», переключившую внимание философии с объекта на субъект, на исследование познавательной деятельности и установление законов человеческого мышления. Исследователи деятельности разума, его активности и конструктивности еще более укрепили **культ разума**, дополнив его учением о **свободе**.

Идея **свободы** сыграла почти роковую роль для всей духовной «вертикали», хотя поначалу никакой опасности никто не узрел. Напротив, много раздавалось восторженных голосов в пользу *свободного разума и творческого духа*, которым только и могут быть доступны полет фантазии и беспредельность мечты. Теоретики романтизма, например, хорошо усвоили мысль Канта о том, что гений не подчиняется правилам, а сам творит их. Все романтики страстно защищают творческую свободу художника и раскованность его духа. Благодаря романтизму утвердилось мнение о том, что действительный мир никогда не узнает подлинной свободы: он слишком громоздок и несовершенен, и что истинная свобода возможна *только в сфере духа*.

Романтизм и ценен прежде всего тем, что отстаивает высоты человеческого духа в эпоху «разумного эгоизма» и прагматизма «земных» интересов. *Романтизм стал последним полетом Духа. От романтизма берет начало если не «горе от ума», то «горе от свободы».* Свобода индивида *вкпе с его разумом становится инструментом разрушения «вертикали» духовности.* «Рванувшаяся к романтическим идеалам «вертикаль» духовности стремительно истончается, вдох глотка «свободы творящего разума» сменяется иррациональным выдохом» [3, с. 17]. В той же Германии, отмечает Бердяев, уже «не будет великих

романтиков, не будет великой философии и великого искусства» [2, с. 76], все станет «техническим», даже сама философия в своих гносеологических течениях.

К началу XX века, по словам Николая Бердяева, «вся духовная культура превратилась в «надстройку»» [2, с. 77], утратив свой стержень, свою несущую «вертикаль». Материальные ценности были окончательно признаны доминирующими, главными, «смыслонесущими» в жизни отдельных людей и целых сообществ. Людям стали казаться ненужными разные трансцендентные акты и всякого рода умения выходить за пределы чувственного опыта и делать предметом изучения бытие, которое не совпадает с конечным эмпирическим миром. «Дух цивилизации – мещанский дух, он внедряется, прикрепляется к тленным и преходящим вещам; он не любит вечности» [2, с. 80]. В то же время XX век не оправдал надежд и на силу разума: ужасающие войны, средства массового уничтожения людей, тоталитарные политические режимы, техногенные и экологические катастрофы продемонстрировали неспособность людей обустроить свою жизнь на основах разумности и справедливости. Разум не обеспечил гармонию и порядок в мире, в нем разуверились как в опоре мироздания. В XX веке отчетливо возникло *ощущение безопорности*, шаткости во всех сферах жизни – в экономике, политике, морали. Роковую роль в этом сыграло и прагматически-утилитарное отношение к религии, которое в эпоху цивилизации стало «уже настоящим источником безбожия и духовной опустошенности» [2, с. 80].

Отказавшись от Бога и не надеясь более на разум, человек XX века оказался один на один со своей собственной телесностью на фоне всего невероятного разнообразия повседневности, порожденного рыночной экономикой. Стремительно стал развиваться *культ тела, заменивший культ духа и разума*. Настали времена неудержимой экспансии человеком природы и собственной «натуры». Возникло огромное разнообразие сиюминутных ценностей, каждая из которых замыкается на личностном девизе «я так хочу» [см. 3, с. 19-20].

При условии не востребоваемости высших ценностей или полного отказа от них, как от «лишних», требующих «ненужного напряжения», в мире возрастает ощущение бессмысленности, алогичности, неразумности жизни и отсутствия в ней каких бы то ни было гарантий. *Вместо прежней иерархии ценностей сформировался тотальный плюрализм ценностей, в котором невозможно выделить приоритеты*. Мы оказались в ситуации, когда никто не знает, как правильно жить, и никто не вправе диктовать другим, как следует жить. Все оправдано тем, что ничего в этом мире не существует вечно, и потому не может быть никаких эталонов истинности и меры бытия, высоких недостижимых идеалов и духовных ценностей.

В современной философии человеку советуют не строить иллюзий по поводу создания новых ценностей взамен утраченных, а просто воспринимать жизнь такой, какой она есть, без всяких попыток диктовать, какой она должна быть. «Экономический материализм – очень характерная и типичная философия эпохи цивилизации» [2, с. 77], – предупреждал Бердяев еще в 1923 году. Теперь всем видно, что *мир повседневности превратился в главную ценность*. В этом мире господствуют сиюминутные интересы конечных эмпирических индивидов, каждый из которых считает себя законодателем собственных этических, эстетических, политических и других устремлений.

Возводимая вековыми усилиями культуры «вертикаль» духовности нынче осела, перекосилась, частично разрушилась. Причина этого, скорее всего, – в своеобразном разрыхлении «горизонталей» повседневности обилием товаров, удобств, услуг, соблазнов, «кнопок комфорта» и прочих плодов цивилизации. Человеку просто недосуг залетать в высоты абстракции и в «иные» умозрительные миры – он еще не все узнал и не все перепробовал в плоскости «горизонталей», на широких просторах цивилизации. Тысячу раз оказался прав Николай Бердяев, заметив, что «перед судом реальной «жизни» в эпоху цивилизации духовная культура признается иллюзией» [2, с. 77]. Новая «экранная» культура, вытесняющая книжную, никак не может претендовать на «звание» духовной, поскольку приучает к потреблению информации в готовом виде без каких-либо духовных восхождений и, при всем своем позитиве, помогает лишь скользить в плоскости повседневности. Как это ни печаль-

но, но современному человеку виртуальные миры вполне заменяют умозрительные. «Древо жизни пышно зеленеет», как никогда, и в этой зелени повседневности мало кто замечает, что прежнего-то «древа» духовных ценностей уже почти не видно, и что мы рыщем по «кустам» повседневности. И только здравый смысл движет нами.

«Магическое царство машинности и механичности», о котором ведет речь Бердяев, дополняется не менее магической компьютеризацией, рожденной все той же волей человека к реальной «жизни», к реальному могуществу, к реальному счастью путем «технического преобразования жизни». «Человек должен был пойти этим путем и раскрыть до конца все технические силы. Но на пути этом не достигнется подлинное бытие, на пути этом погибает образ человека» [2, с. 82]. Нам есть над чем задуматься.

Литература

1. Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста / Н.А. Бердяев // Литературная газета – № 12 (25 марта 1989). – С. 15.
2. Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре / Н.А. Бердяев // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. – М. : Политиздат, 1990. – С. 73-84.
3. Филина И. Повседневность и духовность – «горизонталь» и «вертикаль» бытия / И. Филина // Актуальні проблеми духовності. – Збірка наукових праць / Відп. Ред. Я.В. Шрамко. – Вип. 6. – Кривий Ріг: КДПУ, 2005. – С. 3-21.

І.О. Філіна (Полтавський національний технічний університет імені Юрія Кондратюка). *Культура та цивілізація в сентенціях Миколи Бердяєва.*

В статті йдеться про співвідношення сенсів культури та цивілізації в розумінні Бердяєва, який посилається на різні позиції європейських й російських філософів у даному питанні. Характеристики культури та цивілізації, дані Миколою Бердяєвим, розглядаються в аспекті сучасного стану соціуму з метою підтвердження актуальності його концептуальних оцінок щодо реальності та перспектив суспільного розвитку.

Ключові слова: культура, цивілізація, духовність.

I.A. Filina (Poltava Yuri Kondratyuk National Technical University). *Culture and civilization in Nicolai Berdyaev's sentencens.*

The article deals with correlation between culture and civilisation in Nikolai Berdyaev's works. Analysing the difference between culture and civilisation Berdyaev refers to different positions being held by European and Russian philosophers on this issue. The Berdyaev's visions of the issue are considered in relation to contemporary state of society in order to prove the efficacy of Berdyaev's conceptual statements in relation to reality and the perspectives of social development.

Keywords: culture, civilization, spirituality.

УДК 236.9:930.1

М.В. ФОМЕНКО (к. филос. н., доц.)

Донецкий национальный технический университет

maryfom@mail.ru

МЕСТО ЭСХАТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИОСОФ- ФИИ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о месте и роли эсхатологии в контексте русской историософской мысли, которая во многом основывается на христианском мировоззрении. Приводятся рациональные истолкования проблем пределов человеческого бытия, статуса запредельного, поиска смысла истории, ее цели, направленности, прерывис-